

Николай Васильевич Успенский

Три рассказа

Николай Успенский
Три рассказа

«Public Domain»

1863

Успенский Н. В.

Три рассказа / Н. В. Успенский — «Public Domain», 1863

«...По большой дороге ехал обоз; темнело; до деревни оставалось не более двух верст. В поле крутилась сильная метель; ветер рвал с возов рогожи и веретья; лошади ныряли в ухабах, под полозьями сердито ревел снег. На переднем возу закутанный лакей, чтобы согреться, пел песни, то и дело переменяя их. Отставший от обоза мужик с занесенным лицом отпрягал лошадь, а в стороне от него другая лошадь сидела в сугробе, не зная, что с собою делать; между тем возки перегоняли обоз, ямщики покрикивали; выюга как будто все усиливалась. Обоз иногда останавливался и опять трогался; вдали раздавались понуканья или тянулась с переливами песня, относимая ветром, звенел колокольчик и уходил вместе с мчавшейся тройкой; раздавались крики: «Далеко до деревни?» Ветер по-прежнему выл, и метель заносила дорогу. Много было в эту погоду порвано заверток, побито лошадей и пролито слез...»

© Успенский Н. В., 1863

© Public Domain, 1863

Содержание

Обоз	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Николай Васильевич Успенский

Три рассказа

Обоз

По большой дороге ехал обоз; темнело; до деревни оставалось не более двух верст. В поле крутилась сильная метель; ветер рвал с возов рогожи и веретья; лошади ныряли в ухабах, под полозьями сердито ревел снег. На переднем возу закутанный лакей, чтобы согреться, пел песни, то и дело переменяя их. Отставший от обоза мужик с занесенным лицом отпрягал лошадь, а в стороне от него другая лошадь сидела в сугробе, не зная, что с собою делать; между тем возки перегоняли обоз, ямщики покрикивали; вьюга как будто все усиливалась. Обоз иногда останавливался и опять трогался; вдали раздавались понуканья или тянулась с переливами песня, относимая ветром, звенел колокольчик и уходил вместе с мчавшейся тройкой; раздавались крики: «Далеко до деревни?» Ветер по-прежнему выл, и метель заносила дорогу. Много было в эту погоду порвано заверток, побито лошадей и пролито слез...

Вечером вьюга начала затихать; колокольчики слышались яснее. Обоз въехал в деревню.

Около одиннадцати часов ночи в избе одного постоялого двора, при свете ночника, сидели за столом хозяин (дворник) и мещанин в красной рубахе; они собирались спать и лениво пересыпали из пустого в порожнее. Работница стирала со стола. На полатах и на хорах лежал ряд человеческих голов, и раздавалось храпение; некоторые из недавно приехавших мужиков разувались; иные лежа толковали про дорогу, завертки, сломанные оглобли и пр. На печи лакей жаловался, что он отморозил ноги.

– А что, я полагаю, Митрий Егорыч, простуда ведь губит здоровье... – говорил хозяину мещанин, зевая и стуча ножом по столу.

– Губит... Вы про простуду говорите?

– Да... А то раз, я вам не сказывал, мы с Антипом кур ездили покупать: ну, приехали мы к барыне одной, и я ей сейчас начал доказывать, что все мы созданы из одной глины; а нам у ней хотелось подцепить сотенку цыплят...

– Ну, что же она?

– Ничего: обошлось отменно; а что, как вы полагаете, завтра будет метель?

– Господь знает...

– А гудёт шибко! Наступило молчание.

– Что, вы продали своего сивого мерина-то?

– Продал, на Никитской ярмарке.

Снова наступило молчание. Мещанин продолжал стучать по столу и зевать.

– Ах, господи помилуй!.. Так-то живешь, живешь, да и умрешь.

– Недаром смерть пишется – с косой, – прибавил хозяин.

Хозяин и мещанин стали вслушиваться, как на печи кто-то рассказывал:

– У него, я тебе говорил, была только жена, мать да три лошади. И ездил он, этот извозчик, по большим дорогам один, ни с кем в общество не вступал и никого не боялся... Лошади у него были такие, цены нету! Сила у извозчика была непомерная: воз ежели взвалился на косогоре, взял, ухватил и поднял! Грудь была около пяти четвертей в ширину, и добрее человека поискать: нищенка сидит, – сейчас подаст копеечку; а поехал – божественное на уме; всякой Дворник, мужик за один вид его уважали. Деньги он имел; но главное имущество были лошади; сказываю, животам цены нету!

– А давно это было? – спросил рассказчика лакей.

– Да недавно, тебе говорят.

– Ну, до свидания, – сказал мещанин хозяину, вылезая из-за стола, – пора спать...

– До свидания, – сказал хозяин. Мещанин начал располагаться под святыми, а хозяин пошел за перегородку.

– А вы, Митрий Егорыч, – крикнул мещанин хозяину, кладя себе под голову полушубок, – не знаете, сколько веков прошло от Адама?

– Должно быть, много, – ответил хозяин, – без счет трудно догадаться, надо на счетах это выложить.

– Веков, я думаю, сто двадцать будет?

– Это будет.

– Раз летом, – продолжал рассказчик, – в полдень извозчик этот выехал на крутую гору и отпрег лошадей – кормить. Задал им корму и стал варить кашу. Вскоре к нему подъехали два мещанина и тоже отложили лошадей. Извозчик сидит и говорит мещанам: «Вот, говорит, хорошо бы теперь выпить вина, да поблизости кабака нету». Один мещанин отвечает: «Давай, я привезу водки!» Извозчик дал ему денег, и водка явилась тотчас. Извозчик угостил мещан, съел на доброе здоровье котел каши и лег под телегу спать; жарко было. Мещане трубочки покуривают, лежат, а всё дивуются на лошадок извозчика. Только на другой горе вдруг, мещане увидели, показалась пыль... едет карета шестериком; так катит под гору-то!

Немного годя из-под горы к мещанам бежит кучер с кнутом, а сам кричит: «Эй, эй, братцы! пособи́те... давайте лошадей».

Мещане разбудили извозчика. Говорят: «Пойдем-ка, любезный, посмотрим, что там такое? должно, с каретой что случилось». А извозчик пожался так-то и говорит: «Как было я соснул крепко!»

Приходят к мосту, под гору. Стоит большая карета, и спереди и сзади нагруженная; а лошади стоят, повеся головы, и не отдохнут, будто овцы. У экипажа стоит толстый господин; усы до пояса, глаза черные; вокруг пояса у него инструменты, а подле него ходят два маленькие баюрченок.

– Ну, что же вы? давайте лошадей! – закричал господин к народу.

Извозчик, про которого я говорю-то, поглядел на карету, походил кругом нее, да и отвечает:

– Вот что, ваше высокоблагородие, я могу вам пособи́ть, только прикажите ваших лошадей всех отложить; я пойду приведу свою.

– Ладно...

Все думают, как это он хочет изнять одною лошадыю. Годя несколько извозчик ведет лошадь: буро́го мерина, и видно, как с горы-то у лошади грудь переваливается; лошадь спокойная, уши вперед держит, глядит на народ.

Подводит извозчик ее к карете, повернул, а хвост у ней словно кушак взвился. Принялись ее запрягать, все в молчанку играют; барин как вкопанный глядит на мерина, даже баюрчатки подбежали – любят...

А мужицкие лошади стоят в стороне; иная уж легла.

Ну, запрег извозчик... Все глядят, известно...

Слушавший лакей дремал, стараясь, однако, и в полусне уследить за ходом рассказа; мало-помалу ему под говор рассказчика начала рисоваться летняя большая дорога: стоит карета, вокруг нее народ. Карета поехала; «Прощайте!» – слышатся голоса; лакей вскакивает на запятки и несется... «Ну, вывез!» – шумят голоса. Вдруг лакей бежит по лугу, вдали мелькают разноцветные платья горничных, лакей спешит за ними и тужит, что не захватил с собой балалайки. А вот солнце уже закатывается, и лакей возвращается грустный в барский дом; но на дороге слышит выстрел и останавливается: «А! это барин, должно быть, в утку пробил!»

Вскоре лакей слегка вздрогнул и проснулся; вокруг все было тихо, в избе темно; лежавший с ним рассказчик молчал; по всей избе взапуски разносилось храпенье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.